

4 НОЯБРЯ 1987 г.

ИСКУССТВО

В преддверии 70-летия Великого Октября мы попросили трех исполнителей роли В. И. Ленина в театре и кино поделиться своими мыслями о работе над великим образом. Сегодня на нашей полосе выступают:
Александр КАЛЯГИН,
Кирилл ЛАВРОВ,
Михаил УЛЬЯНОВ.

Так победим!

А. Калягин. Интересно, раньше кому-нибудь из нас приходила мысль — сыграть Ленина?

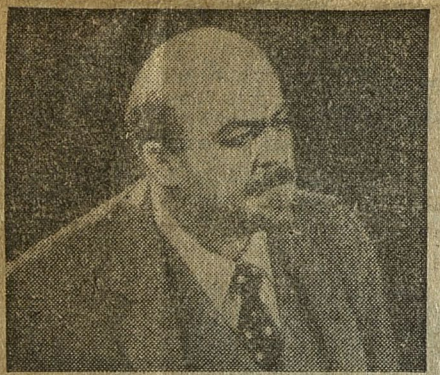
К. Лавров. Она возникла со стороны. Году в шестидесятом режиссер Анатолий Рыбко, ныне покойный, ставил на «Мосфильме» картину «В начале века» — о первых годах революционной деятельности Ильича и пригласил меня на пробу. Гримировал Антон Иосифович Анджан.

М. Ульянов. Знаменитый. Он еще со Шкуниным работал.

К. Л. Да всех он гримировал... Анджан посадил меня в кресло, приложил бородку, усы, все в эскиз заставил, засахнул: «Пожой, пожай...» Я затрепетал, все: пожай! Потом он сказал: «Теперь все уходи — буду работать». Часов шесть работал, и с каждой минутой я становился все меньше и меньше похож. Конечно, не утверждали... В роли молодого Владимира Ильича тогда впервые снялся Юрий Каюров. И я посчитал, что для меня навсегда закрыта тема. Вот почему, когда Виктор Трегубович стал снимать «Доверие» и пригласил меня на пробу, я категорически отказался. Он долго уговаривал, наконец я сказал: хорошо, только пусть гример придет в театр, быстро меня загримирует, фотограф щелкнет, и ты поймешь, что — бессмысленно. Так и сделали: приехал мальчик. «Как вас зовут?» — «Вадик». — «Вадик, имейте в виду: совершенно бесперспективное занятие. Давайте быстро, раз я обещаю». Он так и сделал, еще кисточкой поводил; чтоб парик не надевать, надели первую попавшуюся кепку; фотограф щелкнул... А через неделю я получил телеграмму Госкино с красивым гримом: поздравляли с утверждением на роль.

Для меня это оказалось полной неожиданностью. К роли Ленина я не считал себя готовым и даже переполошил. Большим подспорьем, правда, было то, что с темой я в какой-то мере познакомился еще до того, в нашем спектакле на Малой сцене — «Застенчивый Ульянов», где я играл молодого Владимира Ильича.

Так что, возвращаясь к вопросу: о роли Ленина я, конечно, не мечтал.

М. У. Таких мыслей, я думаю, ни у одного актера не должно возникать. Потому что вообще играть Ленина нельзя. Невозможно сыграть гения простым смертным, кем являемся мы. Тем более личность, которая предстает перед нами в совершенно особом свете. Гений — некое другое измерение, оно нам неподвластно. А мы начинаем мерить его на свой мирской аршин. Иногда понимаю, что мирской, а иногда считаю своей аршиной единственной мерой в искусстве. Что совсем уж глупо.

Но раз существуют драматургическая Лениниана и театральные версии знаменитых исторических дней и эпох, то, когда актеру поручают роль Ленина, он приступает к работе, хорошо понимая всю тщетность своих усилий. В этом смысле, подходить к великому образу со своим актерским мериллом, я лично ощущаю свою полную... я бы сказал так: полную растерянность перед тем, с чего начинать.

Как подойти к великому характеру? Как отобразить величие Ленина, его ум, его стратегическое и тактическое гений, его поразительное антидогматическое житие — вообще, в принципе? Я ищу себе надеждой отобразить лишь как-то грань характера. Только грань.

К. Л. В работе над образом Владимира Ильича у всех были какие-то одинаковые этапы: чтение ленинских работ, воспоминаний о нем, посещение музеев. Но вот, скажем, такая простейшая вещь — фотографии. Всем известные, тысячу раз виденные. Я стал их рассматривать через увеличительное стекло. И такой элементарный, казалось бы, чисто механический процесс привел меня к большому открытию: я увидел типично общепаранную руку на пиджаке, пуговицу, которая держится на честном слове... И вдруг я почувствовал в нем живого человека. Не ретушированного, не затененного...

Смотрю опять на фото — и вижу удивительно раскованного человека. Тогда ведь процедура фотографирования была довольно сложной и утомительной. К тому же мы, каждый из нас, и сейчас-то, видя на себе объектив камеры, всегда как-то внутренне поджимаемся и стараемся быть красивее, чем есть на самом деле. А Ленин на снимках необычайно прост и свободен, что тоже говорит о каких-то чертах характера. Если он сидит и на спине дышанка лежит, рука, она всегда опущена, свободная, не напряженная: нет испуганных, застывших глаз — даже с юмором наблюдает процесс съемки...

Современники вспоминают, что Владимир Ильич был необыкновенно контактен, как мы сейчас бы сказали, умел «разговорить» любого, и человек был с

ним откровенен, потому что не ощущал своей неполноценности рядом с такой огромной фигурой.

Это простое качество, присущее настоящему интеллигентному человеку, для меня было очень важно, и его, так сказать, документально засвидетельствовали те фотографии.

А. К. Вы оба можете сыграть все, но глядя на вас, вспоминаешь о театральном импуде «социальный герой». А я и выпускался как комик, и играл комические роли. Роль Ленина — такого даже представить не могло. Больше того, когда во МХАТе зашел разговор о постановке пьесы Шатрова «Так победим!», я подумал: ну, там-то мне делать нечего, за время репетиции будет возможность сняться в фильме — я давно обещал. Потом все получилось случайно.

Я как-то стоял с приятелем на улице и «голосовал». Таких, понятно, нет. Вдруг останавливается машина, за рулем — Шатров. «Подвезти?» — «Если можно...» — «Подвезу, если вы сыграете Ленина в спектакле «Так победим!»... Я опешил... Думаю, глупая шутка — как на нее ответить? «Что вы, что вы, Михаил Филиппович...» А потом начались длинные-длинные разговоры. Ефремов как-то пришел — долго говорил, потом зашел Смирняцкий — тоже очень долго, опять Шатров. Я долго отказывался. Во-первых, потому что не мое — по актерским данным. Во-вторых, боялся повториться — ведь были прекрасные исполнители: Шкуин — один из моих любимых актеров, Штраух, Каюров, вы оба... Думаю: никогда я не сыграю. И опыта в таких политических ролях нет — не на что даже опереться. Ну хотя бы мало-мальски. И, повторяю, не мое — ни лица, ничего...

К. Л. А я вот на своем примере понял, что стремиться к фотографическому подобию — гиблое дело. Невозможно добиться. Тем более что в таком случае не может быть и речи, чтобы что-то еще попытаться изобразить на лице, играть что-то, потому что все залеплено, все чужое — только испуганные глаза торчат.

А. К. Но у меня — я говорю о себе — перед глазами стоял образ созданный Шкуниным тем же. Ромм добавлял портретного сходства.

К. Л. Просто было более подходящее лицо. Но если откровенно, так он... М. У. Также был не очень похож.

К. Л. Да никто фотографически точно не похож. М. У. Больше всех — Каюров. А. К. Он еще и по-новому сыграл. К. Л. Что очень важно. Почему мне кажется, что внешнее сходство — не главное. Если удастся убедить, что Ильич мог быть и таким и люди поверят — значит, удача. Но зато тогда отстает свобода маневра и возможность жить в образе, не обременяя себя тщетной надеждой добиться полного внешнего сходства. Поскольку и без того задача, которая встает перед тобой, давит до такой степени, что ты как актер лишаешься возможности свободно и самостоятельно мыслить и работать над ролью. Все время навально перед глазами какой-то монументальный образ — в бронзе, мраморе, граните, и еще великие шкуинские образцы давят. А это сразу убивает творческую инициативу. Напротив...

М. У. Мне думается, что Шкуин выступил в роли Ленина в первых своих подвигах — в «Человеке с ружьем» в театре и в «Ленине в Октябре» и в «Ленине в 1918 году» в кино — как великий актер. Он сыграл не столько может быть, стратега и тактика, не столько, может быть, вождя, сколько поразительно живого и обязательного человека. Если приглядеться сейчас к работе Шкуина, то мы увидим: в основном все построено на том, что он действительно живое всех живых, поразительно обаяние, демократизма и какой-то необыкновенной человеческой светлости. Борис Васильевич сделал это грандиозно и вошел в историю как первый непревзойденный исполнитель роли Ленина. Беда в том, что последователи Шкуина довели эту его линию до абсурда.

К. Л. В театральные и киноработы повлияло отношение к Владимиру Ильичу как к бою.

А. К. Что, кстати, культивировалось и всесильно поощрялось.

М. У. Появились какие-то мешанков умиление, облизывание со всех сторон, какая-то сентиментальность, банальность, которые были заключены в драматургии и очень часто в исполнении. Не уважали, а лезли. И Ильич получился из многих спектаклей и фильмов человека, приятным во всех отношениях, что не имело ничего общего с реальным Лениным. С великим человеком, который перевернул Россию-матушку. Не мог возглавить революцию человек, приятный во всех отношениях. Ну, не мог! Доходило до абсурда: умилялись тому, что Ильич задрожал с людьми, и это выдалось за верш демократизма. Хотя вежливость, она естественна для любого нормального человека, тем более для такого культурного и воспитанного в прекрасной демократичной семье.

К. Л. Вот почему, вопреки такой традиции в «Застенчивом Ульянове» для меня было самым важным попытаться сыграть человека. Нормального. Не делая из него в житейском плане нечто сверхчеловеческое, не обожествляя. Простая вещь его со своим характером, своими привычками, своим взглядом на вещи. То есть живым человеком.

М. У. У меня было иначе. Ленин — это ведь история. Хотя он и живое всех живых, но существовал в определенные годы: в конкретный период нашей советской и мировой истории... Я бы выразился так: в каждой работе я пробую ставить себе какие-то конкретные задачи. Ну, скажем, «Человек с ружьем» в Театре Вахтангова — первая моя работа. Пьеса написана в определенные годы, и многого нельзя было сыграть. Тем не менее — о чем там речь? Об Октябрьской революции. Сейчас мы не можем себе даже представить, какого напряжения всех сил потребовалась революция. И не мог Ленин, находясь в гуще Смирного, занятый сотнями неотложных дел, оставаться «просто обязательным». Это был человек смертельно усталый, нацеленный,

как нож. Таким я и попробовал его играть.

«Штрихи к портрету Ленина» — четыре телефильма по сценарию Михаила Шатрова. К сожалению, если судить по многим нашим произведениям, у Ленина на все случаи жизни были готовые ответы. Это другие сомневались, искали какие-то пути, а Ильич мол, всегда знал верное решение. Отнюдь нет. И ему пришлось искать, то был мучительный процесс размышлений о новой социальной формации, доселе невиданной. Чужовиная жизнь человека, построенная на выходе из естественных, возникающих непреодолимых, самых запутанных ситуаций, которых теория пренебрежала не могла, хорошо понимающего, что все сразу не получится. И т. д.

Потому что «Штрихи...» для нас главным было показать этот процесс поиска путей, дорог, верных решений — как угодно называть. Сам процесс поиска. К. Л. В ВТО в 60-х годах собрали со всей страны актеров, игравших Ленина. В тот период к каждой дате выпускали спектакль, где обязательно должен был появиться Владимир Ильич. И играли его где угодно, что угодно и сколько угодно. Многие и в ВТО копировали походы Ленина, его речь, кативали. Человек триста съезжался. И, говорят, предельно стоявший сказал, оглядев зал: «А Гамлет не в каждом театре есть...»

А. К. Понятно, как актер работает над ролью: все время, если заражен. Одевается, кушает, идет по улице, слушает радио, говорит с любимой, а думает об одном. Когда Шатров прочитал на трупе «Так победим!», начался так называемый застойный период. Почти весь ноябрь 1980 года мы просидели в кабинете у Ефремова: Ефремов, помогавший ему режиссер Сирота, Шатров, Смирняцкий и я. Каждый день с 11 до 3, иногда и вечерами с 7 до 10. Читались пьесы буквально по частям. Обычно во время застойного периода, вы знаете, актеры шутят, обсуждают, пробуют читать на голос, слушают... Здесь все было иначе.

Ефремов спорил с Шатровым, Шатров соглашался или нет, обижался, хлопал дверью, уходил, два дня не разговаривал, потом возвращался, потом они опять спорили из-за какой-то фразы, Смирняцкий то поддерживал Ефремова, то Шатрова, то мирил их. Скажем, Шатров говорил: «Эта фраза необходима, потому что если Троцкий мне не скажет, то...» А здесь нужна фраза Ленина, если мы ее не оставим, будет неверно политически, потому что тогда он уже думал о...» Бывали дни, когда проходили по подставкам... Для меня это было удивительный политический урок, который я усваивал, видя, как работают люди, как спорят. Я могу себе представить, как работали в Совнаркоме — тогдашнем времен, революции. Так спорили люди, которые делали одно общее дело. Предлагали разные пути, но дело было одно и цель одна, потому что спорили единомышленники.

Это фантастически это для меня незабываемо. Ведь, по сути, до работы над пьесой что я знал? На уровне школы. Вот — как Михаил Александрович говорил: «Человек, приятный во всех отношениях». Ну и скучный. Надо быть человеком? Надо! Надо быть добрым? Надо! Надо гадать кошке? Надо! Все ослышались? Все! Нет проблем? Нет! Так нас учили!

Что — нам долго рассказывать, как ему было трудно? Как слушать, что партийный съезд открыл его предложение переместить Сталина с поста Генерального секретаря? Как было одиноко в последний год жизни? Кто об этом говорил? Кто мог сказать? Кто бы разрешил?...

Но вот, скажите, сколько такой спектакль — «Так победим!» — может длиться? К. Л. Вопрос ко мне? Но я-то знаю: три месяца.

А. К. Три. Включая «застойный». Ефремов работал с ожесточением. Сидя за столом, играл за всех и текст проходил «кровью, мясом». Человек он очень социальный. А значит, слышит, что подкашивает жизнь, и знает точный адрес пьесы. В общем, в темпоременте Ефремова, в его ожесточении, в его «кровяных» глазах я почувствовал нерв роли. Хотя все время, как в музее, сидел, молчал и только слушал. Иногда, правда, Ефремов кидал фразу: «Ну, тебе так удобно будет?» Я мямлил: «Вроде да...»

Я считаю, моя роль была сделана в этот месяц. Но помогло и еще одно: мне довелось прочитать книги тех, кто не принимал советскую систему. И когда после этого я перечитывал ленинские сочинения, то знал, куда «вкладывать текст» — точный адрес знал. Эти книги включились в работу над образом и убедили меня в правоте слов Ленина.

После роли я стал, как сам заметил, агрессивным. К. Л. То есть? А. К. Как всем, мне приходится много ездить по стране, много-видеть — и хорошее, и плохое. Когда наткнешься на плохое, вспоминаешь, что по сходным поводам говорил Ленин, и... «накаляешься».

К. Л. А это всем знакомо. М. У. Поразительный был человек — может быть, один из самых гибких и реалистично мыслящих во всей истории. Но парадокс заключается в том, что его последователи почему-то стали страшными догматиками. Страшными, несгораемыми. И сейчас мы леем из этого догматизма полной мерой — и в экономике, и в культуре, и в морально-нравственной сфере, и во всем прочем. Ленин спрашивал: как можно из-за обрывков книжки забыть действительность? Горький писал, что Ленин любил людей, а не идеи, что ломал и гнул идеи, когда это требовали интересы народа. А вот поди ж ты — забываешь...

Мы сейчас работаем над «Брестским миром» того же Шатрова. Ставит Роберт Стурга, режиссер очень интересный, удивительно чувствующий пластический выразительную силу театра. История Брестского мира — мучительный и страшный сюжет в жизни Ленина. Момент, когда обстановка оказалась сильнее прежних установок, когда надо было подчиниться обстоятельствам и принять гнусный, позорный мир, а не шествовать напролом, как был, за догмой. То был трагический момент в жизни России — в пьесе Ленин прямо говорит: не заключаем мир — тераем революцию. То есть — все. Вот как стоял вопрос: жизнь или смерть.

Поразительная гибкость Ленина. Он говорил Бухарину: по-вашему, получается, что если революционная партия пошла на компромисс, то она перестает быть революционной. И речь в спектакле идет даже не столько о Брестском мире, сколько о творческом, гибком подходе к действительности. Вот что современно — на этом мы сейчас тоже очень скланим. Есть ведь такие, кто не может оторваться от веревочки, за которую держались 70 лет. От догмы. Хотя жизнь гораздо разнообразнее, чем любая догма.

И сегодня надо быть не столько верным неким оканчившимся воззрением, сколько умным. Не столько «железобетонным», сколько разумно понимающим, к чему мы пришли и что происходит. Вот так — почти через 70 лет вспоминается один из заветов Ильича: «Поблизже к жизни».

К. Л. Он действительно обладал этим потрясающим качеством — никогда не жил в плену догм. Была огромная внутренняя свобода маневра. Когда он, почувствовав, что жизнь гнет какую-то теорию, мог отказаться от нее. Брестский мир, замечу, провозгласил провозглашением, не столько три примера, а их тысяча.

Другое. Когда один из руководителей работников Архангельска назвал «ленинским распоряжением» центральной Советской власти, Ленин по телефону объявил ему выговор и добавил: если мы учим дисциплину рабочих и крестьян, то обязаны начать с самих себя.

М. У. О том же раз говорил Горбачев. Но хотим мы того или нет, а история такая: секретарь райкома, горкома, обкома...

К. Л. Вне критики. Много ли критических материалов в местных газетах? Ты же знаешь — с гулькин нос. Упаси Боже в местной печати покрывать местные начальство. Его если кто и критикует, то как правило, центральная печать. Это мы здесь пестуем, защищаем записками, положением и т. д. А там — ни-ни.

К. Л. Это постепенно уходит, но еле-еле медленно, черепашьим шагом, со скрипом.

А. К. Тормоза скрипят... К. Л. Порой, верно, слова поперек нельзя сказать: сразу истолковывается как нечто, подрывающее основы.

А. К. Ленин, между прочим, писал: надо не видеть «интригу» в инаномислящих, в ценностях самостоятельных людей.

М. У. Кстати, о самостоятельных людях. Вы об «архангельском мужике» Сивкове слышали?

А. К. Недавно «Известия» опубликовали письмо профессора Федорова в его защиту и ответ первого секретаря обкома партии...

М. У. Телепнева. Вот — об ответе. Там Сивков, работающий на семейном подходе, дает массу дешевле всех в районе, но я не буду касаться существа дела, я его не знаю. Скажу о форме, о тоне ответа партийного руководителя всемирно известному ученому. В самом начале Телепнева обращает внимание на «какой-то обидный тон письма» Федорова. А что пишет сам? «Не слишком ли, профессор...» Почему, скажите, пожалуйста, вы, высокомерно возмесье над всеми и всем, вульгарно-возмущенным тоном, без стеснения поносите работников... И т. д. А в последнем абзаце есть такая фраза: «Мы вам прощаем».

Там еще редакционные примечания любезностью: оказывается, первая записка о Сивкове появилась два года назад, но ни обком, ни облисполком официального ответа в «Известия» так и не прислали. Допускаю, что профессор Федоров в нем-то не прав, даже во многом. Но я прочитал и подумал: мог бы Ильич в подобном тоне ответить? Да никак!

К. Л. А я вспомнил о том, что в последние два года нас настойчиво призывают овладевать культурой дискуссии, уважительно относиться даже к крайним толкам, зрению, корректно вести полемику...

А. К. А я вспомнил старый афоризм: «Стиль — это человек». Ленин как-то писал одному партийцу, что «костяк» человеческого, когда по личному и общему вопросу он в ЦК оставался в меньшинстве

ве. Вот я и подумал: а часто ли наши секретари — обкомов, горкомов, райкомов — остаются в меньшинстве по тем или иным вопросам? Интересно было бы узнать...

М. У. Я вам и другое скажу. Год уже существует Союз театральных деятелей России, многие пытаемся мы сделать — и часто наткнемся на глухую стену. Все более уверенно звучат чиновничьи голоса: «Не смеет соваться!», «Без вас разберемся!»

Я уже об этом говорил, поэтому повторюсь. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суйся!

Я уже об этом говорил, поэтому повторюсь. Конфликт в драмтеатре в Новгороде. Поехали мы туда с Олегом Ефремовым, поговорили, договорились, уехали — местные органы сделали все наоборот. Не потому, что не понимают, — нет, они именно хотят подчеркнуть: не суйся!

Ну, все было «поперек» того времени. И вот результат: 20 лет лежали на полке картины. Лениние!

Сейчас задают вопросы: кто допустил, кто виноват? Да кто — время...

А. К. У времени всегда есть фамилия, имена, отчества и должности. В то время тоже были люди...

М. У. Были. Шатров и другие не согласились переделывать картины. Их имена известны. И другие имена тоже не секрет — кто говорил?

К. Л. Что ты хочешь, если и сами произведения Ленина было очень трудно достать: чтобы почитать, то его первого собрания сочинений, надо было не знаю какой иметь блат. Но я достал...

М. У. Пожалуйтесь. «Так победим!», Ты же знаешь, с каким мучительством проходила спектакль.

К. Л. Ну, Саша это знает лучше, только он молчит...

А. К. Слушаю... А проходил с мучительством, верно. Вначале Ефремову за прошедшие измучили меня на роль: «Тетка Чарльз играет Ленина! Да вы что? Лавров будет приезжать из Ленинграда»...

Ефремов все же убедил. Вообще, это было удивительное время — весь театр был заражен, я никогда не видел такого подъема. Одна цель, единое дыхание. Ефремов понимал всю сложность прохождения пьесы и хотел убедить готовым спектаклем. Но все же получили мы и рецензию ИМЛ — страничку на 30, Жуткую, разгромную. Полвека назад после такой рецензии... Написал пьесу коммунист Шатров, ставит коммунист Ефремов, заливает коммунист Смирняцкий. И всем «шют по политку».

Мы продолжали работать. По-моему, 16 февраля 1981-го состоялся первый прогон: в 8 вечера начали, где-то в первом часу ночи кончили, с остановкой. На другой день сиди — худсовету, а через неделю открылся XXVI съезд партии. Надо было сдавать спектакль Министерству культуры СССР. «Придите, посмотрите». Никто не пришел.

Из ЦК вызвали Ефремова, состоялся очень тяжелый разговор. Ефремову категорически запретили репетировать, на это он кричал: «Как я буду смотреть в глаза молодежи из школы-студии? Мы подымаем у них веру!»

Запретили репетировать, продолжать работу. «Ну, хоть придите, посмотрите!» Опять никто не пришел...

Премьер разрешил только в конце года, 19 декабря...

На этом спектакле я приобрел удивительное умение — различать публику. Ее интеллектуальный уровень, образовательный, социальный, знание материала. Я могу сыграть первый акт и уже точно сказать, кто сидит в зале по реакции на кульминации, на сценных репликах, на паузах. Бывает и совсем другое, с чем я столкнулся впервые...

Случается, играешь, словно в вакууме, публика не принимает. Но были спектакли, когда я чувствовал: зритель меня не навидит за текст, который я произношу. Он словно выталкивает меня со сцены. Эта пауза, которая повисает в зале, эти токи... Зрители ведь разные. Они поражаются — впервые слышат какие-то вещи. Другие возмущены — как допустили, чтоб со сцены... Чаше в зале люди, которые любят Ленина, и понимают его, и страдают вместе с ним, и плачут... Но не нависти зато я не ощущаю ни в одной роли. Это потрясающее ощущение...

М. У. У меня такого не было. На «Человеке с ружьем» никакой ненависти не будет. А реакция «инновиков» ясно проявилась в том, что «Штрихи...» 20 лет лежали на полке. Дело давнее... Но парадокс заключается в том, что я репетирую сейчас «Брестский мир» и побаиваюсь. Вот проклятые: сидит в нас...

К. Л. Внутренний редактор.

М. У. Мяко говоря. А проше говоря, страх сидит. Ленина вроде бы так никогда не показывали. Мы говорим «инновичный, человечный», а ведь его человеческих проявлений, по существу, в картинах нет. Все сводится в основном к одному: «Надя, наряд чаю!» Это единственное, что ему позволяет автору: чаю выпить. А ведь был он человек — живой, всякий. Мы обожествляем его в наших исполнениях, и вырваться из этих тенет, ой, как трудно.

К. Л. У нас в БДТ Георгий Александрович Товстоногов поставил «На дне», К 70-летию Октября! Тоже были разговоры — полустула, полусверчок... «Что это вы решили «На дне» ставить? Это что же значит — мы на дне находимся к 70-летию?» Ходили такие слухи. Видно, крепко еще сидят рудименты прошлой психологии...

12 октября состоялся премьер, присутствовал Горбачев. А по окончании спектакля Михаил Сергеевич пришел за кулисы и первое, что сказал: «Дорогие товарищи, огромное вам спасибо за прекрасный подарок к 70-летию Октября! Это замечательная классическая драматургия, прекрасное исполнение — великолепный образец настоящего театрального искусства».

Так что мы не боялись — и ты не бойся...

К. Л. А что делали? М. У. А что делали? «Штрихи к портрету В. И. Ленина» пролежал на полке 20 лет? Та же история?

М. У. Ничего мне не объяснили. Причины могу назвать, но это мое мнение — я так думаю, я не утверждаю.

К. Л. А что делали? М. У. А что делали? «Штрихи к портрету В. И. Ленина» пролежал на полке 20 лет? Та же история?

М. У. Ничего мне не объяснили. Причины могу назвать, но это мое мнение — я так думаю, я не утверждаю.

К. Л. А что делали? М. У. А что делали? «Штрихи к портрету В. И. Ленина» пролежал на полке 20 лет? Та же история?

Шатров написал ведь документальные вещи — ленинские слова, известные исторические сюжеты. Но вот до чего мы докатились: даже слова Ленина и позиция Ленина стали казаться опасными. Он стал мешать нам жить «по-нашенски»... тихо, спокойно, Болотисто. Не ругаясь... Так вот, первый фильм, «Поименное голосование» — о Брестском мире: Ленин в одиночестве, спорит с Бухариным, заявляет о возможности выхода из ЦК. «Да вы что? Да как можно!»

«Полтора часа в кабинете Ленина», Убит Мираба, выступают левые эсеры, Ленин мечется, ищет решения. «Как это — Ленин не знает решения? Да у него на все случаи жизни готово решение!»

А «Воздух Совнаркома» вообще попал в десятку. Там известный впадок — первая прогулка Ленина после ранения, когда его сносили, чтобы ранения знали, что Ильич жив. Чистая история. Известно, что Ленин был категорически против празднования своего 50-летия. И в картине активно выступает против, юбилей — работать надо. А ты же знаешь, что за время было — юбилей оказался главными задачами каждого дня, мы все время что-то справляли, кого-то поздравляли, кого-то награждали. Естественно, эта ленинская позиция оказалась «поперек» тем, что пользовался властью и устраивал себе всякие «семейные» радости.

Наконец, «Коммуна ВХУТЕМАС». То же исторический факт: Ленин поехал навестить дочь Инессу Арманд, состоялся разговор со студентами о литературе и искусстве. Ленин сказал, между прочим, что не поклонник Маяковского; впрочем, Анатолий Васильевич лучше его знает... «Как это — Ленин не учит, что такое искусство?»

Ну, все было «поперек» того времени. И вот результат: 20 лет лежали на полке картины. Лениние!

Сейчас задают вопросы: кто допустил, кто виноват? Да кто — время...

А. К. У времени всегда есть фамилия, имена, отчества и должности. В то время тоже были люди...

М. У. Были. Шатров и другие не согласились переделывать картины. Их имена известны. И другие имена тоже не секрет — кто говорил?

К. Л. Что ты хочешь, если и сами произведения Ленина было очень трудно достать: чтобы почитать, то его первого собрания сочинений, надо было не знаю какой иметь блат. Но я достал...

М. У. Пожалуйтесь. «Так победим!», Ты же знаешь, с каким мучительством проходила спектакль.

К. Л. Ну, Саша это знает лучше, только он молчит...

А. К. Слушаю... А проходил с мучительством, верно. Вначале Ефремову за прошедшие измучили меня на роль: «Тетка Чарльз играет Ленина! Да вы что? Лавров будет приезжать из Ленинграда»...

Ефремов все же убедил. Вообще, это было удивительное время — весь театр был заражен, я никогда не видел такого подъема. Одна цель, единое дыхание. Ефремов понимал всю сложность прохождения пьесы и хотел убедить готовым спектаклем. Но все же получили мы и рецензию ИМЛ — страничку на 30, Жуткую, разгромную. Полвека назад после такой рецензии... Написал пьесу коммунист Шатров, ставит коммунист Ефремов, заливает коммунист Смирняцкий. И всем «шют по политку».

Мы продолжали работать. По-моему, 16 февраля 1981-го состоялся первый прогон: в 8 вечера начали, где-то в первом часу ночи кончили, с остановкой. На другой день сиди — худсовету, а через неделю открылся XXVI съезд партии. Надо было сдавать спектакль Министерству культуры СССР. «Придите, посмотрите». Никто не пришел.

Из ЦК вызвали Ефремова, состоялся очень тяжелый разговор. Ефремову категорически запретили репетировать, на это он кричал: «Как я буду смотреть в глаза молодежи из школы-студии? Мы подымаем у них веру!»

Запретили репетировать, продолжать работу. «Ну, хоть придите, посмотрите!» Опять никто не пришел...

Премьер разрешил только в конце года, 19 декабря...

На этом спектакле я приобрел удивительное умение — различать публику. Ее интеллектуальный уровень, образовательный, социальный, знание материала. Я могу сыграть первый акт и уже точно сказать, кто сидит в зале по реакции на кульминации, на сценных репликах, на паузах. Бывает и совсем другое, с чем я столкнулся впервые...

Случается, играешь, словно в вакууме, публика не принимает. Но были спектакли, когда я чувствовал: зритель меня не навидит за текст, который я произношу. Он словно выталкивает меня со сцены. Эта пауза, которая повисает в зале, эти токи... Зрители ведь разные. Они поражаются — впервые слышат какие-то вещи. Другие возмущены — как допустили, чтоб со сцены... Чаше в зале люди, которые любят Ленина, и понимают его, и страдают вместе с ним, и плачут... Но не нависти зато я не ощущаю ни в одной роли. Это потрясающее ощущение...

М. У. У меня такого не было. На «Человеке с ружьем» никакой ненависти не будет. А реакция «инновиков» ясно проявилась в том, что «Штрихи...» 20 лет лежали на полке. Дело давнее... Но парадокс заключается в том, что я репетирую сейчас «Брестский мир» и побаиваюсь. Вот проклятые: сидит в нас...

К. Л. Внутренний редактор.

М. У. Мяко говоря. А проше говоря, страх сидит. Ленина вроде бы так никогда не показывали. Мы говорим «инновичный, человечный», а ведь его человеческих проявлений, по существу, в картинах нет. Все сводится в основном к одному: «Надя, наряд